

Р 31.202.

оск.

Г

Н. РЫЛЕНКОВ

Прощание
С ЮНОСТЬЮ

МОСКВА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1943

3/202

Редактор *Е. Книпович*

А416. Подп. сано к печати 17/II 1943 г. Авт. л. 2,13. Уч.мзд. л. 2,24.
Печ. л. 1³/₄. Зак. 1437. Цена 1 р. 75 к. Тир. 5000

Ремесленное училище № 3. Москва, Хохловский, 7.

СТИХИ О РОССИИ

I

Когда говорили мне в детстве: «Россия»,
Я знал — это все, чем дышу, где расту:
Крыльцо расписное и ставни резные,
Под окнами ярый шиповник в цвету,

Укропом и тмином поросшие грядки,
Левада, где стручья гороха бренчат,
На белой заре переборы трехрядки,
Запевки вернувшихся с поля девчат,

А смутные сумерки путают краски,
Стирают приметы привычных вещей,
И сон подтверждает сестренкины сказки,
Что солнце в ларец замыкает Кащей.

Но сказок и снов золотое соседство
На утлой кроватке непрочно, и вдруг,
Проснувшись, увидишь, что кончилось детство,
Что мир развернулся просторный вокруг.

Когда в эту пору я слышал: «Россия»,
За мной, приподняв горизонта черту,
Шумели поля и луга заливные,
Хлеба наливные и травы в цвету.

По узким тропинкам, по торным дорогам,
Меж трав и хлебов, проходил я босой.
Зарницы считал с косарями под стогом,
В высокой траве умывался росой.

И в полдень, над речкой, где берег отвесен,
Где гребень волны набегающей крут,
Соломинкой пил я отцедины песен,
Что сладостной грустью за сердце берут.

Я знал, что не пасынком вырос, а сыном —
В отцовском доме, и, уйдя за порог,
Туманным березам и синим осинам
Послал я поклон с перепутья дорог.

Я думал: «Так вот ты какая, Россия»,
Когда мне открылись над старым Днестром
В отметилах славы зубцы крепостные
И башни, в бойницах таившие гром.

Над звоном трамваев, над гулом заводов
Они подымались, сутулясь слегка,
И, дань преходящему времени отдав,
Казалось, со мной говорили века.

Там русского духа я понял величье,
Витавшего в башнях стены крепостной,
А город, не раз изменявший обличье,
Стоял над днепровской седой крутизной.

Когда-то из дебрей поднявшийся хвойных,
Он лодки смолил да палаты рубил
И в дни испытаний, в сказаньях о войнах,
Помянут не раз летописцами был.

Вот снова дымятся дороги большие,
И снова мне вспомнился город родной.
Так разве мы можем позволить, Россия,
Глумиться врагу над твоей сединой!

II

Я знаю, походная сумка солдата
Тесней, чем открытое сердце, и в нем
Мы в трудные дни сберегли под огнем,
Что дорого было нам в детстве когда-то,

Что в юности ранней нам снилось, что зрелость
Сулила, маня все вперед и вперед.
Отмечен там каждой тропы поворот
И каждый костер, где мы в сумерки грелись.

Колючий шиповник и мягкая мята,
Прмятые танками. Здесь, на войне,

Нам все это дорого стало вдвойне
И в сердце хранится, как в сумке солдата!

Горьки материнские слезы скупые
И падают в душу, на самое дно,
Но в час расставанья мы слово одно
Сухими губами шептали: «Россия!»

Увидев сожженную школу, где вместе
Со мной подрастал мой ровесник и друг,
Сквозь пепел и дым, оглянувшись вокруг,
«Россия!» — шептал я, взывая о мести.

Увидев разбитый завод, что когда-то
Построил мой верный ровесник и друг,
Сквозь пепел и дым, оглянувшись вокруг,
«Россия!» — шептал я, как клятву солдата!

Россия! Дышать без тебя было б нечем,
Ты — воздух наш, дом наш. Любовь и тоска!
Ты будешь стоять, как стояла века.
Все тяжкие раны твои мы залечим!

III

Россия! Мы всюду твердим твое имя,
Созвучное с именем женщины той,
Что нас пленала руками своими,
Что нас напитала сосцами своими,
Что нас согревала своей теплотой.

Священны твои седины и морщины.
Торжеств и печалей твоих годовщины
В великой твоей и суровой судьбе.
И, зрелость встречая, по праву мужчины,
Мы клятву на верность давали тебе:

На верность твоим перелескам зеленым,
На верность малиновым зорям твоим,
На верность ночам соловьиным, бессонным.
На верность девическим взорам бездонным,
На верность надеждам, что с детства таим.

Пусть клятвоотступник на русской равнине
Забудет о матери, друге и сыне, —
Их нет у него, ни друзей, ни родных.
Пусть каменным хлеб ему станет отныне,
Не даст утолить ему жажду родник.

Он в страхе падет, услышав твое имя,
Созвучное с именем женщины той,
Что нас пелегала руками своими,
Что нас напитала сосцами своими,
Что нас согревала своей теплотой.

Август 1942 г.

РУССКАЯ ЗЕМЛЯ

От хребтов Кавказа до Урала,
Дальними дорогами пыля,
Ты не раз на бой сынов скликала,
Русская земля.

Прибавляли сил им в дни печали
Полноводных рек твоих струи,
И врагам обиды не прощали
Сыновья твои.

И всегда, цела и невредима,
Сыновей бессмертьем надея,
Ты вставала из огня и дыма,
Русская земля,

О тебе в столетьях песни громки,
Вся ты как певучая струна!
И наследье предков мы, потомки,
Приняли сполна.

Вот опять ковыль дымится бурей,
Легкими кистями шевеля,
Вот опять ты в бой нас шлешь под бурей,
Русская земля!

Что ж! Иль нам в строю равняться не с кем,
Иль военный клич отцов забыт?
Не простим насильникам немецким
Мы твоих обид.

Пусть режут снаряды, свищут сабли,
Смерть за смерть врагам твоим суля.
За тебя мы кровь прольем до капли,
Русская земля!

Мы друзей скликаем поименно,
Под огнем испытанных солдат,
И над ними русские знамена
На ветру шумят!

Помяни ж героев, в битвах павших,
Осени знаменами Кремля,
Купленная кровью предков наших,
Русская земля!

Прокляни отныне и навеки
Дрогнувших перед лицом врага —
В дни, когда катили пламя реки,
Бросив берега.

И опять, цела и невредима,
Сыновей бессмертьем надея,
Встанешь ты из пламени и дыма,
Русская земля!

ЛЕВИТАН

I

Мы возмужаем и верней оценим
Простые краски, скромные слова.
Вот снова светит в золоте осеннем
Чуть тронутая солгцем синева.

И если ты художник, если зорок
Твой меткий глаз и обострен твой слух,—
Туманной тропкой выйди на пригорок,
Прислушайся и оглянись вокруг.

Перед тобой, как страницы босые,
Воспоминая летние тая,
Бредут березы в дальние края,
А ветер тени путает косые.
Шумят грачи. И это есть Россия,
Твоя любовь, бессонница твоя.

II

Смерть не страшга. Безделье хуже смерти.
С тоской не разлучается оно.

Раскинуто окно. И на мольберте
Укреплено тугое полотно.

Прозрачен день. Вглядись и кисти вытри.
Ты мастер. Будь расчетлив, строг и прост.
Есть тишина, есть краски на палитре,
Чтоб звон листвы перенести на холст,

Повесить паутинки золотые,
Пустить тропинки по лугу витые,
Колючей щеткой выровнять жнивье
И, оглянув пустынное жилье,
Забуть про все. Перед тобой Россия,
Твоя любовь, бессмертие твое.

III

Меж русскими, быть может, самый русский,
Ты словно память детства нам сберег:
И пруд забытый с мельницей раструской,
И ветхий дворик, и туманный стог.

Преодолев житейские тревоги,
Ты видел: сыновья моей земли
По каторжной Владимирской дороге
В распаханное будущее шли.

Над их судьбой задумавшись впервые,
Ты вспомнил все тропинки полевые

И ответ зорь на берегу ручья.
Ты понял: сны и чаянья людские
Такой же явью сделает Россия,
Твоя любовь, бессонница твоя.

IV

Дымятся села. Дым пахуч и горек,
Места родные узнаешь с трудом.
Немецкой бомбой опрокинут дворик
И мельница разбита над прудом.

Околица. Распахнуты ворота,
И ветер шаг подсчитывает наш.
Мы в бой идем, чтоб тенью самолета
Враг не накрыл прозрачный твой пейзаж,

Чтоб ароматы осени густые
Нам возвещали щедрость бытия,
Чтоб, словно медом, солнцем налитые
Нам подносили яблоки друзья...
Чтоб мачехой не стала нам Россия,
Твоя любовь, бессонница твоя.

1940—1942

САНАТОРИЙ ИМЕНИ ЛЕРМОНТОВА

И в старый парк, вошел, волнуясь,
Раздумью отданный во власть,
Стоят беседки, пригорюнясь.
Здесь Лермонтов гостил, и юность
Его у этих лип прошла.

Терраса, мост, беседка — мимо,
Скорей туда, на острова,
Где, снами лунными томима,
Прозрачней тени, легче дыма
По ветру стелется трава.

Здесь он, мечты своей правитель,
Наедине с самим собой,
Быть может, в первый раз провидел
Все, что дано ему на выдел
Его мятежною судьбой.

Да. Он, не верящий химерам,
Познает все, чем болен век,

Он будет русским офицером,
И встанет перед миром целым
Поэт, солдат и человек.

Пусть дремлют мирные разлужья,
Окрепнут крылья у птенца,
Обнимут шеба полукружье,
И слава русского оружия
Найдет в нем своего певца.

Померкнет прошлое в туманах,
Но власть судьбой ему дана
Воспеть героев безымянных,
Забывших о горячих ранах
На флешах у Бородина.

Там звуки резки, краски ярки!
Как день тот славный недалек,
Что на всю жизнь его увлек!..
Нет, мы недаром в этом парке
Хранили каждый уголок.

Здесь про него шептали клены
И пели волны на пруду,
Как память вечная, бессонгы...
Но враг, поправший все законы,
Принес нам черную беду.

И в грозный час оделась в камень
Необоримая страна.

С Днепра, от Волги и от Камы
Сошлись полки, светя штыками,
К Москве, как в день Бородина?

Какая из столиц Европы
Стояла так перед врагом?
Стянулись к ней все наши тропы.
Мы рыли день и ночь окопы,
Завалы делали кругом.

Еще в лугах трава не смята,
Осенних листьев свеж настил.
Но вслушайся: гремит лопата
В саду, где Лермонтов когда-то
На утре дней своих гостил,

Где всех ветров и звезд кочевья
Он обходил для звонких строф.
И вновь услышал их напев я,
Когда велел рубить деревья,
Чтоб подобраться враг не мог.

Я думал, глядя в гущу сада,
Что выйдет Лермонтов, и вот —
Пред ним ночей его отрада.:
Ну, что ж. Он все поймет, как надо,
Как офицер и патриот.

ПРОЩАНИЕ С ЮНОСТЬЮ

Юность, юность! Какой дорогой,
За какие леса и реки,
Тихой девушкой, недотрогой
Ты ушла от меня навеки!

Я с тобой не успел проститься,
Не предвидел разлуки близкой.
Под окошко летит зарница
Мне прощальной твоей запиской.

Выйду в поле на перекресток,
Где звенит, вызревая, жито.
Мелким бисером лунных блесков
Небо шелковое расшито.

Позову тебя — нет ответа...
Эти ль ночи тебе не любы,
Грозное ль дыханье лета
Обжигает сухие губы.

Я оглядываюсь тревожно —
Чуть мерцает в тумане стежка...
О, когда б тебе было можно
Задержаться со мной немножко!

Как берег бы тебя теперь я...
Но смежает полночь ресницы,
Звезды падают, словно перья
Упорхнувшей из рук жар-птицы.

Бродит сумрак по раздорожью,
Шепчет мне: «Головы не вешай!»
Это август горячей дрожью
Наполняет колос созревший.

Ночь сдается заре на милость,
Струны ветра ну и певучи ж!
Все, что в юности только снилось,
Ты теперь наяву получишь.

Слышен крик перепелки частый,
На траве роса загорелась.
Что ж, прощай, моя юность! Здравствуй,
С полной горстью колосьев, зрелость!

Лоб мой жаркий обдуй прохладой,
Освежи мое сердце грустью,
Исполненьем надежд обрадуй
На пути от истоков к устью.

Время, словно из глины, лепит
Всех нас по своему подобию,
Чтобы жизни легчайший трепет
Отдавался в нас гулкой дробью.

1940

2 Прощание с юностью

3/202.

ЛЕТО

I

Цветет жасмин. От белых звезд
Всю ночь светло в саду нагретом,
И Млечный путь, как шаткий мост,
Соединил закат с рассветом.

В такие ночи слышен рост
Хлебов и трав. По всем приметам
И теплых зорь и щедрых рос
Еще немало будет летом.

Живым текучим серебром
Дожди июльские прольются.
Ладони вытянув, как блюда,
Пойдем в поля, встречая гром,
Где ржи густые за бугром
Под тяжестью колосьев гнутся.

II

Голубоватый предвечерний зной
В верхах деревьев дрожит и копошится,
И пахнет над лужайкою лесной
Всех трав сильней подсохшая душица.

Косцы сошлись под старую сосной
Перекурить в тени и освежиться,
И кто-то запекает, как весной
Цветы сбирала по лугам девица.

Я слушаю знакомые слова
И про себя, как в детстве, повторяю,—
Донные песня в памяти жива.
Она зовет меня к родному краю,
Где есть душица — теплая трава,
Где первую любовь я вспоминаю.

III

Мерцают звезд разорванные звенья,
Просветы меж деревьями сквозят.
Сорвется яблоко, и от паденья
Настороженно вздрагивает сад.

Мне оглянуться хочется назад,
Не слышать своего сердцебиенья.
Здесь, осени предчувствуя рожденье,
Вокруг с дарами яблони стоят,

И лунами сияют горделиво
Антоновки и белого налива
Тяжелые прозрачные плоды.
Мне не уйти отсюда до рассвета,
Где подружились мы с тобой за лето.
Досуги разделяя и труды

IV

Все: и вечерних облаков изломы,
И скрип колес, ведущих верстам счет,
И запах обмолоченной соломы
Нам возвещает осени приход.

Мы встречу ей готовили весь год,
И за свое гордились ремесло мы —
Пропитанные солнцем агрономы,
Познавшие, как сладко пахнет пот.

Пусть осень, завершая круг забот,
В туманный час сентябрьского рассвета
У наших остановится ворот,
За каждый день потребует ответа...

Как с дерева упавший крупный плод,
Мы на ладонях взвешиваем лето.

ОТКРОВЕННЫЕ СТИХИ

I

Да! Я создал тебя. Ты — мое вдохновенье. Мой
вымысел.

Сон весенний тревожный. Огонь, растворенный в крови!
Разве я тебя встретил? Я в сердце моем тебя выносил,
Вдунул душу живую и дал тебе страсти: «Живи!»

В свете резкого дня поднимаю глаза: не померкла ли
Та мечта, что меня увлекала, все дальше макая?
Но, взглянув на тебя, я увидел себя, словно в зеркале:
Ты такая ж, как я, только проще и лучше меня!

II

Я открыл мое сердце, а вновь не закроешь на ключ его
И не спрячешь тот ключ в потайной уголок от себя.
Так послушай, послушай! Что было в нем самого
лучшего,
Сразу отдал тебе я. Возможно ль скупиться, любя?

И от щедрости этой совсем не бедней, а богаче я
Стал, увидев тебя, словно сбывшийся сон наяву,
И стою удивлен, как вернувшие зренье незрячие,
Что вбирают всем телом нахлынувшую синеву!

Загляни ж в мое сердце. Любовь твоя чище и строже
той

Беспокойной любви, у которой ожогов не счесть.
Принимаешь такого? С ошибками юности прожитой?
И ответила ты: «Принимаю, такого, как есть!»

III

Ты не требуешь клятв. Ты мне веришь, и если я
вздумаю

Не поверить тебе, и хоть словом обижу тебя,
Пусть дыханье тоски твоей в сердце погасит звезду мою,
Все, чем я дорожил, все, чем жил, навсегда истребя!

Пусть, когда вдохновенье придет, немотой меня мучая,
Я пойму — о любви говорить я утратил права,
При моем приближеньи река замолкает гремячая,
Цвет садов опадает, желтеет и вянет трава.

Пусть, когда я открою любимую книгу, почувствую
В каждом слове укор, в каждой строчке немой приговор,
Пусть друзья отшатнутся. Я верность ценить научусь
твою,

Что открылась мне в юности и примелькалась с тех пор.

Время выжгло в сердцах наших верности мету особую,
Но увидеть ее можно, только навек полюбя!
Если я упрекну тебя, если я только попробую
Упрекнуть — это значит, что я не достоин тебя!

IV

А над нами друзья понемногу подшучивать начали,
Что друг в дружку, как в юности, мы влюблены до
сих пор.
Пусть их шутят! И впрямь влюблены мы! А так ли,
иначе ли,
Чем семнадцатилетние, — это пустой разговор.

И когда обернешься на годы, что вместе мы прожили,
Разве в памяти будешь одну только юность беречь?
Ну, скажи откровенно: друг другу теперь не дороже ли
Стали мы, чем тогда, в пору первых признаний и
встреч?

Что мы знали тогда? Что мы видели в жизни? Ни
опыта,

Ни бессонных раздумий, ни горечи терпкой утрат!
Это было потом вместе нажито нами и добыто,
Как скупой наш уют, где я каждой подробности рад.

Но горячее сердце нетронутым время оставило,
Даже искры в глазах встречный ветер нам не погасил.
Постоянство в любви — это зрелости первое правило,
Равновесье спокойное замыслов наших и сил.

ИЗ ДНЕВНИКА

Фронт приближался к Москве. В ту пору
Наш батальон стоял под Можайском,
И каждое утро все ближе, ближе
Мы слышали пушечную канонаду.

А сводки газетные были скупы,
А письма друзей доходили редко,
И мы не знали, где наши семьи,
Бежавшие из городов сожженных.

Мы видели только — по всем дорогам,
По всем колеям осенним, размытым,
Тянулись подводы с утра до ночи,
Груженные разным домашним скарбом.

На их перепутьях смолкали ветры,
Березы склонялись у перекрестков,
И журавлей прощальные трубы
Гремели над ними в пустынном небе.

Но сухи были глаза у женщин,
Они за войну разучились плакать.
Им опалило ресницы горе,
Бледные губы сомкнуло плотно.

Я пристально вглядывался в их лица,
И сердце сжималось мое тревожно:
Может быть, встречу своих знакомых,
Может быть, близких своих увижу.

Мне в каждой девочке десятилетней
Видалась дочка моя Наташа,
Мне в каждой девочке пятилетней
Видалась дочка моя Ирина.

Но ни с Наташей моей, ни с Ириной
Не привелось мне тогда повстречаться.
Горькой рябиной, тоской журавлиной,
Казалось мне, в сердце они стучатся.

Казалось мне, я, как солдат, в ответе
За все, что вынесут наши дети,
Лишенные крова, лишенные детства,
Бежавшие, еле успев одеться.

А рядом уверенно и деловито
Бойцы белоруссы и украинцы
Противотанковые рвы копали,
Как погреба у себя в деревне.

Я видел: привыкшие к созиданию,
Люди за землю держатся крепко...
И снова мои расправлялись плечи,
И на душе становилось легче.

1911—1912

Борису Малкину

Есть несоленый суп, спать на полу в одежде
Пришлось на фронте каждому из нас,
И радости, что будничными прежде
Казались нам, мы вспомнили не раз.

Те дни, когда в полях и на заводах
Всем, кто своим гордился ремеслом,—
Спокоен труд и сладостен был отдых,
И тесен круг за дружеским столом!

Но кончится война, уляжется тревога,
И в час рассвета станет сниться нам
Забитая машинами дорога
И груды мертвых тел по сторонам.

Мы с гордостью припомним по порядку,
В дымящуюся вглядываясь мглу,
И несоленый суп, и жидкий чай в приглядку,
И сон походный крепкий на полу.

Пусть метель проносится, бушует,
Пусть визжит шрапнель над головой,
Карточку твою с собой ношу я
В сумке полевой.

И покуда пуля не порвала
Нить тугих, как шнур бикфордов, дней,
Я сижу у каждого привала,
Наклонясь гад ней.

Ружья в козлах. Свищет ветер в дула,
Резче стужа на исходе дня,
Я ее не чувствую. Вдохнула
Ты свое тепло в меня!

Заглянув через плечо, ребята
Скажут мне:
— Товарищ командир!
Были семьи и у нас когда-то,
Где они? С восхода до заката
Разворочен мир!

И замолкнут... ·
Сдвинутые брови,
Вдаль, сквозь выюгу, устремленный взгляд ·
Отсветы зари, как лужи крови,
На снегу лежат!

Деревня Подолино

1941

Нет, не спится! Я вышел из душной землянки.
Часовой заглянул мне в лицо: «Командир!»
По шоссе громяют тяжелые танки,
Не смолкает всю ночь перебранка мортир.

Свежий ветер пахнул. Он из ближнего бор..
Земляники и меда мне запах принес.
Значит, близится время веселое сбора,
С детства милая сердцу пора — сенокос!

Только смято немецкими танками лето,
Гром орудий в лугах косарей разогнал...
Задыхаясь, я сжал рукоять пистолета:
О, скорей бы, скорей бы к атаке сигнал!

МОГИЛА ПАРТИЗАНА

Он пал в бою, неравном и упорном,
И мы его зарыли на пути.
Могилу свежим обложили дерном,
Чтоб немцы не могли ее найти.

Никто из нас не выдал горя злого,
Но все, от комиссара до бойца,
Не сговорясь, друг другу дали слово,
Навек соединившее сердца.

Пусть разбросает нас война по свету,
Иных и смерть гаситнет в свой черед,
Кто будет жив, тот на могилу эту
В день торжества народного придет.

И встанет холм на тихом раздорожье
И будет нашу созывать семью!
Что может быть нам ближе и дороже
Могилы друга, павшего в бою?

НАВОДЧИК

Не позабыть мне ночи той короткой.
Был май. В лесу черемуха цвела.
Мы наступали, и прямой наводкой
Артиллеристы били вдоль села.

И, пробираясь меж коряг и кочек,
Когда рассвет вставал, от пепла сед,
Я слышал, приговаривал наводчик:
— Вот, в самый раз... Прости меня, сосед!

И вновь взлетало облако рябое,
И вновь шаталась от разрыва мгла:..
А мы узнали только после боя,
Что парень был из этого села.

1942

Бой шел всю ночь, а на рассвете
Вступил в село наш батальон.
Спешили женщины и дети
Навстречу к нам со всех сторон.

Я на околице приметил
Одну девчонку, лет пяти.
Она в тени столетних ветел
Стояла прямо на пути.

Пока прошли за ротой рота,
Она не опустила глаз
И взглядом пристальным кого-то
Разыскивала среди нас.

Дрожал росой рассвет погожий
В ее ресницах золотых.
Она на дочь мою похожей
Мне показалась в этот миг.

Казалось, все дороги мира
Сошлись к седой ветле, и я,

Себя не помня, крикнул:— Ира,
Мой птенчик, ласточка моя!

Девчонка вздрогнула и, глядя
Колонне уходящей вслед,
— Меня зовут Марусей, дядя, —
Сказала тихо мне в ответ.

Марусей? Ах, какая жалость!
И поднял га руки ее.
Она к груди моей прижалась,
Дыханье слушала мое.

Я сбросил груз дорожных тягот.
— Ну, что же, Ира, не ревнуй!
Всю нежность, что скопилась за год,
Вложил я в долгий поцелуй.

И по дорогам пропыленным
Вновь от села и до села
Шагал я дальше с батальоном
Туда, где дочь меня ждала.

1942

БРАТУ

А. И. Рыленков

На войне пути судьбы разведав,
Коль удел солдатский наш таков,
Вспомним, брат мой, прадедов и дедов,
Коренных смоленских мужиков.

Нам с тобой краснеть за них не надо,
Скажем прямо — крепкий был народ!
Против окон — белый кипень сада
И колодец прямо у ворот.

От гостей не прятались за прясло,
Гость пришел — он праздник в дом при!
Масленица — значит сыр да масло.
Пасха — значит окорок на стол.

Как зачин в беседе, чарка водки,
Домовитой щедрости звезда.
Не напрасно дом наш в околотке
Хлебосольством славился всегда!

Угостить друзей завидный жребий,
Без друзей и полный дом постыл.
Говорят, что благочинный с требой
В этот дом на цыпочках входил.

Так и жили, жизнь держа в охапке,
Как на пожне держат снопы ржаной.
Богачам не кланялись и шапки
Не ломали перед старшиной.

Что им старшина, на самом деле?
Камень, чтоб споткнуться на пути!
Если б живы были, так в артели
Бригадиров лучше не найти!

И неужто в этом доме сядет
Немец на дубовую скамью?
— Костылем прибью, — сказал бы прадед, —
Если вы да струсите в бою.

На войне пути судьбы разведав,
Коль удел солдатский наш таков, —
Вспомним, брат мой, прадедов и дедов,
Коренных смоленских мужиков.

Октябрь 1942 г.

Мы до войны не думали о многом,
О чем подумать стоило давно.
Все от рожденья было нам дано,
И мир, открытый настежь за порогом,
Ждал появленья нашего: иди,
Не меря расстояний впереди.
Куда тебя влечет, — по всем дорогам —
Чередованье лета и зимы...
И этому не удивлялись мы, —
Мы до войны не думали о многом.

Теперь, привыкнув к воинским тревогам
И к беспокойству путевых квартир,
Мы заново увидели тот мир,
Где было все для нас любви залогом,
Куда не раз любой из нас глядел
Сквозь замыслы незавершенных дел,
И говорим себе в раздумьи строгом:
Мы не ценили времени, пока
Была от нас тревога далека.
Мы до войны не думали о многом,

Не как старик бухгалтер над итогом
Конторских цифр, склонились мы теперь,
Когда грядущее стучится в дверь.
По вражьи́м бронированным берлогам
Ведя огонь, мы помним об одном —
Как много дела нам в краю родном.
За каждым буераком, каждым логом
Мечта — увидеть близких поскорей
Усиливает ярость батарей.
Мы в дни войны подумали о многом.

АПРЕЛЬ

Поэма

Евгении Цунской

ПОСВЯЩЕНИЕ

В русском городе, тихом и старом,
Встретил юность и рядом с тобой.
В этом городе дорог не даром,
Как знакомый, нам камень любой.

Пусть с годами мы сделались строже,
Но попрежнему верят сердца,
Что на город родной мы похожи,
Так же, как на родного отца!

Вне регламентов и расписаний,
Словно соли прозрачный кристалл,
Из туманных легенд и сказаний
Он в столетьях для нас выростал.

Я глаза закрываю, и снова
Мне в землянке моей до утра
Снятся башни времен Годунова
Над зеленым затоном Днепра.

Там истории каждая дата
Ветром времени вьется у плеч,
Там с тобой поклялись мы когда-то
Верность верную в сердце беречь.

Там, предчувствуя радость сближенья,
Что ночной тишиной решена,
В первый раз я назвал тебя «Женя»,
Как теперь называю «жена».

Стало близким, что было далеко,
Как надежд моих давних звезда, —
Легкой поступью, с томиком Блока
Ты вошла в мою жизнь навсегда.

Словно вишня весенняя ветви,
Ты простерла мне руки, любя...
Было б мне неуютно на свете,
Если б не было рядом тебя!

От студенческих аудиторий
До становий косцов на лугу —
Ты прошла с моей песней, в которой
Я дыханье твое берегу.

Есть у нашего времени свойство —
Охранять постоянство, и вот —
Ты открыла мне счастье отцовства,
Радость первых семейных забот!

Вдруг, как грома внезапным ударом,
Что родит отголосок двойной,
В русском городе, тихом и старом,
Мы застигнуты были войной.

Прежде чем мы успели проститься,
Наша юность сгорела до тла,
Лишь в ладонях осталась частица
Твоего золотого тепла.

Только разве я клятву забуду,
В небесах потеряю звезду?
Где б я ни был — искал тебя всюду,
Верил — должен найти, и найду!

Мне глаза твои в душу глядели,
Голос твой провожал меня в бой.
Чтоб однажды в туманном апреле
Мог я встретиться снова с тобой.

I

Вышло все необычно, странно,
Показалось сном наяву.
Телеграмму из Намангана
Вешний ветер принес в Москву.

И, привыкший к своей печали,
Словно к комнате обжитой,
Я поверить не смел вначале
Телеграмме нежданой той.

Я прочел её дважды, трижды,
В прожитое перенесен.
Я просил ее: подтверди ж ты
Чем-нибудь, что это не сон,

Что я все возьму потери,
Снова встретившись с той, кому
Жизнь свою я открыл, как двери
Открывают в родном дому.

С той, чье нежное имя «Женя»
Для меня звучало, как «жизнь»,
В ком надежд моих отраженья,
Как дороги в поле, сошлись.

С кем живой воды у истока
Всех страстей я испил до дна,
С кем безжалостно и жестоко
Разлучила меня война.

Это было в те дни, которых
Время в памяти не истребит.
Щеки нам затенил не порох
Первых битв, а горечь обид.

Горе шло дорогами всеми,
Задыхавшимися в пыли.
Потеряв и дома и семьи,
Мы Москву свою берегли.

Осень желтая шагом лисьим
Подбиралась к нам без дорог,
Каждый день ожидал я писем.
И никак дожждаться не мог!

И тревога в голос вплелась мой,
От кого еще ждать вестей!
Может быть, где-нибудь под Вязьмой
Потеряла она детей.

Может быть, где-нибудь под Гжатском
Пулей вражеской сражена:..
Не пришлось на кладбище братском
Рядом лечь нам с тобой, жена.

Спросят будущие поколения:
— Что такое наша тоска?
— Верность близким! — И в наступленье
Не она ль повела войска!

Командир говорил: — Мужайся,
На войне дорога одна.
Вот и выбит враг из Можайска,
Отступил от Бородина.

Об заклад побиться готов я:
Не запеть еще соловью,
Как очистим мы подмосковье,
Как найдешь ты семью свою.

Лишь рассеется дым сраженья,
Смолкнет гневный гул батарей,
Слышу голос знакомый... Женя!
Где ты, где? Покажись скорей!

Нет, не та... Догорали бревна
На околицах деревень...
Я ходил неприкаян, словно
Человек, потерявший тень.

Стала давняя грусть туманна,
Боль привычна, не так остра.
Вдруг из дальнего Намангана
Телеграмму дает сестра.

Разбросала война по свету
Наших близких, нашу родню.
Я держу телеграмму эту
И боюсь: вот-вот уроню!

Словно окна дома родного
Засветили в наплыве тьмы.
Три таких долгожданных слова:
«Женя Батюшкове детьми».

Как узнала она, откуда —
Все равно мне. Я рад вдвойне.
В путь! Там даже развалин гряда
Обо всем поведает мне!

Женя в Батюшкове! Да это ж
От Можайска рукой подать!
Сбросив горе свое, как ветошь,
Чую ветер дорог опять!

II

Знает походный солдатский быт
Встречи короткие да расставанья.
Поезд отходит, битком набит,
Мерить весенние расстоянья.

Вот он назад оттолкнул вокзал,
Бросил охапку дыма на крышу.
Что-то сосед за плечом сказал,
Голос его, как сквозь сон, я слышу.

Здесь собеседник дорог любой,
Скука в дороге хитра, как сводня,
Только один-на-один с собой
Я бы остаться хотел сегодня.

В тамбур скорей выгожу. Тесна
Сердцу глухая дверная рама.
Свеглой апрельской зарей весна
Встала, в глаза заглянув мне прямо.

«Брось, — говорит мне, — печаль утрат.
Иль ты не полностью отдал дань им?»
Что ж, я забыть об утратах рад
Перед обещанным мне свиданьем.

Правда я думаю, что честней
Не забывать ничего, чтоб, снова
Встретясь с любимой, я сразу с ней
Самое нужное вспомнил слово.

Слово, которое, как зигзаг
Молнии черной, пронзает душу,
Слово, которое на слезах
Клятву скрепило. Ее ль нарушу!

Слабому духом не произнести
Этого слова. Но мы — солдаты,
И на губах наших привкус есть
Жесткой полыни и мягкой мяты.

Это не доблесть и не вина,
Это как запах дыма в одежде...
Вот я к любимой спешу. Она
Разве таким меня знала прежде?

Разве теперь я ее найду
Той же, какая со мной рассталась,
Той, что являлась ко мне в бреду
С век воспаленных снимать усталость?

Знаю, пройдя сквозь войну и плен,
Будет не та, но такая ж родная.
У темных, просвистанных ветром стен
Все, что пережито, припоминая...

Только в глаза мне глядит весна,
Этой бессонной ночи соавтор.
— Видно, взволнован ты? — Даже весьма.
Может быть, больше, чем нужно до завтра.

Вот и Можайск. Семафора взмах.
Запах карболки и хлороформа.
Мимо разбитых домов, впотьмах,
Нас, спотыкаясь, ведет платформа!

III

Попутную машину карауль,
Волнуйся, повторяя: «Как нескоро!»
Но близок фронт, и потому патруль
Тут остановит каждого шофера.

А мне патруль сочувствует. Он сам
Тоскует о семье своей донине..
И снова ветерок по волосам
Бежит, спеша наперерез машине.

Здесь шли бои недавно, а сейчас
Апрельский воздух тишиной замешан.
От суеты дневной разгорячась,
Скворцы хлопчут у своих скворешен.

На взгорьях пробивается трава,
Затягивая раны и ожоги.
Вступает вновь весна в свои права,
Как в бой полки вступают по тревоге.

Я чувствую в руках знакомый зуд,
Когда хрипит машина от натуги.
Вот в кузницу колхозники везут,
Готовясь к севу, бороны и плуги.

К деревне подъезжаю сам не свой.
О, нетерпенье, как ты сердце старишь!
Проверил документы часовой.
— Куда вам? В штаб? — Нет, мне к жене, товарищ.

— Тогда налево у колодца дом.
Я знаю, в нем живут переселенцы...:
Крыльца ступеньки одолев с трудом,
Я темные пересекаю сенцы.

Слова, что приготовлены в пути,
Вдруг очерствели, стали не своими.
Я, задыхаясь, шопотом почти
Произношу тоски бессонной имя.

Оно, как птица на ладонях рук,
Еще трепещет на губах мгновенье.
И кажется, смолкает сердца стук,
А время распадается на звенья.

И звеньям счет потерян. Я стою —
Быть может, час, быть может, миг короткий;
Я чувствую ее, я узнаю
Ее дыханье за перегородкой.

Вот вижу — тень качнулась на стене,
И, тени той прозрачной не тяжеле,
Она склонилась на плечо ко мне,
К моей щеке прижалась: — Неужели...

Ну, неужели это ты? Скорей
Скажи еще хоть слово, хоть полслова.
Но почему ты медлишь у дверей,
Как будто в путь сейчас уходишь снова?

Все кажется, что не в своем дому?..
Зажгите свет! Иль нет, постойте малость!
Привыкни лучше в сумерках к тому,
Как постарела я!.. — И разрыдалась.

— Прости мне эти слезы, мой родной,
Я слишком долго ожидала встречи.
Я знаю, знаю, что не мне одной
Война взвалила груз тоски на плечи.

Но я боялась, что нехватит сил
Дождаться дня, когда мы будем вместе.
С пожаращ черных ветер приносил
Нам каждый день безрадостные вести.

Казалось, воздуха не стало тут,
Казалось, в мир опять вернулся хаос.
«Москва капут, советский власть капут», —
Твердили всюду немцы, усмехаясь.

И я была, — родной мой, не вини, —
Проклясть готова всех, что в дни печали,
Глухие к воплям горестной родни,
Перед врагом все дальше отступали.

Рвались снаряды где-то вдалеке,
И отгул боя слышался тяжелый,
Когда на милом русском языке
Подобрала листовку я за школой.

Была в ней речь октябрьская вождя:..
Ну, значит, враг не так силен и страшен!
И я сквозь сетку плотную дождя
Увидела зубцы кремлевских башен.

И смолкла. Я дыханья не могу
Перевести. На мне ее усталость...
Она меня ждала, и я в долгу
За все, что здесь ей вынести досталось.

Упасть бы на колени перед ней,
Сказать: — Тревогой не томись напрасной.
Ты никогда мне не была родней,
И никогда ты не была прекрасней!

Но входят наши девочки. Они
Встают пред нами, словно совесть наша.
Она берет их за руки: — Взгляни,
Как выросла Ирина. А Наташа?

Я вглядываюсь в светлые черты:
Как обострил суровый этот год их!
Жена и мать! О, если б знала ты,
Как благороден был твой трудный подвиг!

IV

Обхватила руками голову
И задумалась в уголке.
Стынут слезы, подобно олову,
На прохладной ее щеке.

— Вот и встретились мы. Ну, где ж это
Было видано, милый друг,
Чтобы все, что в тоске пережито,
Отступило при встрече вдруг?

Ведь давно ли тут немцы рыскали,
Била в уши чужая речь!
Все твое — письмо ли, записку ли
Нужно было от них сберечь.

Их зарыла у частокола я,
А любовь осталась в горсти.
Даже имя твое веселое
Вслух нельзя было произнести.

Но, бессонная и усталая,
Облетевшей листвы желтей,
Шепотком его повторяла я,
Прижимая к себе детей.

Пушки бьют все ближе:.. Не папа ли
Нас от немцев спасать идет?
Может быть, он тут рядом, на поле,
И сигнала в атаку ждет!

Проберусь потихоньку в секи я,
Чуть мерцают зари края.
Где ты, где ты, мое спасение,
Отзовись мне, любовь моя!

Как бездомная птица мечется,
Неприкаянная тоска.
Возврати мне мое отечество,
Где и дальняя даль близка!

Где только мне судьбу свою нести,
Только ты меня позови,
Дай увидеть мне город юности,
Город нашей с тобой любви.

Знаю первый мне тополь в городе
Снимет веткой усталость с плеч.
Я взойду на крутые горы те,
Где с тобой ожидала встреч,

Где над поймами да над пашнями,
Всеми грозами обожжена,
Облака подпирая башнями,
Встала крепью веков стена.

На тропу у ее подножия
Легкой тенью паду я ниц.
Встану чище, сильней, моложе я,
Не снимая слезы с ресниц.

Сна отрадней и ярче вымысла
Это день вставал для меня.
Может, я все тяготы вынесла,
Чтоб дожить до этого дня.

Видно, сердце вещун, и вскорости
Возвратились наши, и мы
Перед ними раскрыли горести
Черной осени, злой зимы!

Сжал я руку ее и чувствую,
Что весна стоит за дверьми.
— За любовь твою, и за грусть твою —
Благодарность мою прими!

У

Мы привыкли в походах
Шагать напрямик по полям
И тревоги и отдых
С друзьями делить пополам.

А друзей у нас много
На всех перепутьях, везде,
Где дымится дорога,
Где тянутся ветлы к звезде,

У костров на привалах
И на огневых рубежах.
Молодых и бывалых,
В пути проверявших свой шаг.

С ними черпали каской
Мы воду живую из рек,
С ними жизнью солдатской
Мы связаны крепко навек.

Пусть у этой квартиры
Мы встретились нынче впервой,
Принесли командиры
Сюда свой паек фрежтовой.

Ради встречи, как русский
Старинный обычай велит,
Стол с вином и закуской
Вернул нам утраченный быт.

Все, как водится, сели,
Но место хозяйское — мне...
Так любовь новоселье
Справляет свое на войне.

И беседа легка нам,
Какой еще нужен уют?
Перед первым стаканом
Мне первое слово дают.

Я беру его, ибо
Я здесь и хозяин и гость,
Чтоб сказать им: — Спасибо
За праздник солдатский насквозь.

Чтоб сказать им: — Опять я
Армейских друзей узнаю,
Что на фронте, как братья,
Семью сохранили мою!..

И, старейший меж всеми,
Майор подымается тут:
— Что же, выпьем за семьи,
Которые всюду нас ждут.

Не остыть пепелищам
Сожженных врагом деревень,
Как подруг мы разыщем,
Навеки отметив тот день!

Пролетают снаряды,
Над утлым жилищем трубя.
Встань, хозяйка, мы рады
Сегодня поздравить тебя.

Так наполни стакан ты,
Скрепим эту краткую речь.
Ну, до дна, лейтенанты,
За первую встречу из встреч.

Ну, до дна, лейтенанты,
За верность подругам своим!
Ну, до дна, лейтенанты!
Мы близких своих отстоим!

ЭПИЛОГ

Догадавшись, как много друг другу сказать мы должны,
Сон в глаза заглянул и на цыпочках встал у постели.
Так же трепетны руки, и губы, как прежде, нежны.
Кто посмеет сказать, будто мы на войне очерствели!

Гор. Москва
Май — июнь 1942 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихи о России	3
Русская земля	8
Левитан	10
Санаторий имени Лермонтова	13
Прощание с юностью	16
Лето	18
Откровенные стихи	21
Из дневника	24
Есть несолёный суп	26
Пусть метель проносится, бушуя	27
Нет, не спится	29
Могилы партизана	30
Наводчик	31
Бой шел всю ночь	32
Брату	34
Мы до войны не думали о многом	36
Апрель (поэма)	38

Цена 1 р. 75 к.